

ДОРОГАМИ ДВУХ ВОЙН

Под арками обугленного свода, в какой-то первоизданной тишине, Солдаты величайшего похода Расписались прямо на стене. (Николай Тихонов, «Надписи на стенах рейхстага», май, 1945 год).

Когда рассматриваешь военный билет нашего односельчанина Михаила Карловича Рогалева, то невольно чувствуешь, что ты заглянул в прошлое. Эта обугленная красная корочка с фотографией, которой несколько десятков лет, хранит следы двух войн.

Ему было всего пятнадцать, когда в составе отряда особого назначения по борьбе с контрреволюцией он ушел на фронт защищать Революцию. И не знал тогда Михаил Рогалев в 1918 году, что надолго расстался он с родными Сокольниками и матерью. Его отряд бросили под Воронеж против казачьего корпуса генерала Мамонтова.

— Это был всякий сброд — казаки, белогвардейские офицеры, — рассказывает Михаил Карлович, — а у нас в отряде почти одни мальчишки, добровольцы. Самому старшему было двенадцать лет.

Но выросли тогда быстро и только в первом бою было страшно: свистели пули, стучали пулеметы, лилась кровь. Потом привыкли, бояться было некогда. И когда убило командира взвода, то сам повел бойцов в атаку. Позднее, когда была сформирована Красnodарская стрелковая дивизия, сражался в ее рядах помкомвзводом 66-го полка.

Побывал Михаил Карлович и в самой южной точке Советского Союза — Кушке, сражался там с басмачами. И только в 1926 году был демобилизован и вернулся к мирному труду.

А в 41-м на пятый день войны Михаил Карлович Рогалев ушел на фронт командиром орудия артиллерийской бригады. Первый бой он принял под Киевом, стреляя из 152-милли-

метровых орудий по фашистским танкам.

Тяжело приходилось в первые месяцы войны. Но ни разу не усомнился Рогалев в грядущей победе над врагом. И когда под Сталинградом его батарея остановила танки Манштейна, равнившиеся на соединение с окруженной группировкой фельдмаршала Паулюса, то понял, что наступает пе-

ЛИЦОМ К ПОБЕДЕ

редом в войне. Били по фашистским танкам прямой наводкой, подпуская на сто метров, с ювелирной точностью.

Видел Михаил Карлович как плакали после боя солдаты от счастья, что выстояли, не пропустили врага, от того, что просто выжили в этом месиве огня и дыма, грохоте снарядов и лязге гусениц. А он стоял и радовался от души, глядя на дымящиеся фашистские танки.

Но более всего Михаилу Карловичу запомнилась Курская дуга.

— Мне до сих пор снятся бои, — рассказывает он, — иной раз до того страшно, что просыпаешься среди ночи.

На Курской дуге Рогалев заслужил медаль «За отвагу». Но, честно говоря, ни о каких наградах он не думал, когда фашистский танк «тигр» рвался на орудийный расчет. Это был напряженнейший поединок. Михаила Карлович знал, — стрелять издалека по танку бесполезно. Снаряд броню не пробьет. И подпускал пероваливающуюся промадину все ближе и ближе. Когда осталось менее ста метров ударил прямой наводкой в гусеницу, и танк завертелся на месте.

Сколько было за всю войну таких поединков! Артиллеристы не подсчитывали ни количества выпущенных снарядов,

ни подбитых целей. Как говорит Михаил Карлович Рогалев, каждые полчаса на войне — это бой. На его глазах гибли товарищи.

— А были такие друзья — лучшие родного отпа, — рассказывает он. В бою без друга нельзя — погибнешь. У меня был золотой расчет.

В нем были и русские, и украинцы, и даже румын, взятый в плен под Кишиневом, затем храбро сражавшийся про-

тив фашистов и погибший в одной из схваток.

Изражена была русская земля осколками снарядов и бомб, разорвавшимися минами и влившимися в нее пулями. И все-таки когда перешли границу и вступили на территорию оккупированной Польши старший сержант Рогалев понял, что нет ничего дороже России. Может потому, что там у него был и дом, и мать, может потому, что на Курской дуге сложили свои головы братья Николай и Леонид, а самый младший — Юрий погиб неизвестно где. Горькая память о них не давала покоя. При форсировании Одера Михаила Карловича тяжело контузило.

— Если бы рассказать о войне во всех подробностях, то было бы страшно, — говорит ветеран, — но контузия многое вычеркнула из памяти. А вот как братья Берлин никогда не забуду.

Тогда Отдельная Гвардейская Одесская артиллерийская бригада входила в состав 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г. К. Жукова. Уже с середины апреля артиллеристы вели огонь по пригородам Берлина. Фашисты ожесточенно оборонялись, но наступление было таким мощным, что они нигде не

могли удержаться.

— Много тогда пролилось крови и нашей, и немецкой, — вспоминает старый солдат, — с боем брали каждый дом, не то что улицу. Особенно нам мешали «фаустники», мальчишки из гитлерюгенда. Они были похожи на фанатиков. От горшка два вершка, а подойти не дают. Бои шли и днем и ночью. Среди тысяч орудий был и мой расчет, стрелявший по рейхстагу, — с гордостью говорит М. К. Рогалев. — Когда я его увидел, показавшись он мне круглым яйцом. На стене рейхстага есть и моя подпись, нацарапанная финским ножом.

Когда Михаил Карлович узнал о капитуляции Германии, о Победе, то принял эту весть со спокойной радостью и отметил этот праздник по солдатскому обычаю. Он видел перед собой рейхстаг — разрушенную цитадель гитлеровских замыслов, слушал тишину, наступившую после сражений. Берлин начинал новую жизнь. Три месяца стояла бригада в столице Германии. А когда демобилизовался, уговорил и фронтовые друзья поехать на Камчатку.

— Да и трудно было расставаться, столько лет ели из одного котелка.

Приехал на Камчатку, да так и остался здесь навсегда кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени Михаил Карлович Рогалев. Проработал тридцать лет в Палане механиком на каторе. Накануне своего 83-летия ветеран войны и труда М. К. Рогалев передал молодежи Тигиля, Паланы, да и всей Камчатки свой наказ:

— Хочу, чтобы наша молодежь росла бодрой и смелой, не боялась преград. Мы, пройдя через огонь гражданской и Отечественной войн, завоевали мир, так пусть наши внуки берегут его и, конечно, не забывают о прошлом.

Ряди этого стоит жить.

Е. СОЛДАТОВ.